

обработанного Л. Н. Беловой-Кудь. Работы 1931—33 гг. являются продолжением многолетних раскопок предшествующих лет. Они дали обильный материал, расширяющий наши знания о Херсонесе, главным образом средневекового периода. На этом участке были обнаружены также остатки более ранних напластований, начиная с раннеэллинистического периода.

И. Б. Зест

**№ 5. П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, К истории племен Верхнего Поволжья
в первом тысячелетии нашей эры**

Первое тысячелетие нашей эры является одним из интереснейших и в то же время одним из наименее изученных периодов в истории племен Верхнего Поволжья. В этот период здесь проходил процесс формирования восточного славянства, образования славянских племен и племенных союзов, закладывались основы государственности.

К сожалению, письменные источники совершенно не освещают этого периода, а археологические памятники исследовались мало. Поэтому история племен Верхнего Поволжья до последнего времени оставалась неизвестной даже в общих чертах.

Только в 1933—1937 гг. Государственная академия истории материальной культуры провела большие археологические работы в зоне строительства гидроэлектростанций и районах затопления. В результате обследования берегов Верхней Волги и ее притоков (Мологи, Шексны и др.) на протяжении около 350 км было зарегистрировано около 200 памятников различных культур—от неолита до раннего средневековья. Часть этих памятников подвергалась раскопкам. Собранный материал по своему обилию в несколько раз превзошел все то, что было накоплено археологической наукой за весь предшествующий период по этому району. Ценность материала возрастает еще и потому, что он получен в результате научно разработанной, точной методики полевых исследований.

Книга П. Н. Третьякова всецело основывается на этом материале. Она является трудом, который впервые в литературе не только дает общее представление об истории племен Верхнего Поволжья, но ставит, а иногда и разрешает ряд более конкретных проблем в области этно-мического и социального их быта.

Книга распадается на две равноценные по своему значению части: очерки по истории племен Поволжья (стр. 7—97) и приложения—отчеты о раскопках отдельных памятников (стр. 101—144). В конце книги имеется резюме на французском языке (стр. 245—250).

Первая часть книги состоит из введения и пяти глав. В введении автор дает общую характеристику изучаемого периода, подчеркивая разницу в исторической обстановке этого времени для племен северных и южных.

Оценивая археологический материал, автор отмечает, что памятники первого тысячелетия нашей эры, представленные в этом районе в числе нескольких десятков, позволяют проследить изменение культуры, экономики и общественного строя населения Верхнего Поволжья буквально из столетия в столетие и проследить не в общих чертах, а совершенно конкретно, со многими мелкими деталями (стр. 9). Однако, как признает это и сам автор, проделанная работа представляет собою лишь первый этап, обрисовывающий общие контуры исторического процесса, протекавшего в Верхнем Поволжье в течение I тысячелетия н. э. Она требует дальнейшего собирания материала и более углубленного всестороннего изучения материала, уже собранного, во многих случаях еще не опубликованного.

Намечая контуры исторического развития населения Верхнего Поволжья с эпохи неолита до последних веков I тысячелетия н. э., автор из суммы всех вопросов выдвигает два, как основные, а именно: вопрос о значении земледелия в жизни племен Верхнего Поволжья и вопрос этногенеза. Вместе с тем он решает и такие значительные для археологии вопросы, как хронологическая группировка керамики, хронологическая группировка городищ, порайонное определение типа жилищ. В этом отношении работа П. Н. Третьякова надолго будет являться отправной для дальнейших археологических исследований.

Главу первую можно рассматривать как предисловие к основной части книги. Автор дает здесь обзор памятников, начиная с неолитических стоянок. Интересно даны результаты наблюдений над расположением неолитических стоянок отдельными большими группами, окруженными обширными безлюдными пространствами. В обследованном районе таких групп три: в Верхневолжской низменности, в области Молого-Шекснинской низины и в Костромской низменности (стр. 12). Несмотря на наличие в этих памятниках общего признака—керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом их локальные особенности проявляются совершенно отчетливо. Впрочем, не совсем убедительно звучит утверждение автора о том, что эти локальные особенности присущи и поздним памятникам эпохи металла (стр. 12).

Стоянки располагались по берегам небольших рек и озер, что находит свое объяснение в способах ловли рыбы, применявшихся населением эпохи неолита. Изучая группировку стоянок, автор, опираясь на этнографические данные, приходит к выводу, что поселения одной компактной группы принадлежали одному роду.

В I тысячелетии до н. э. происходят большие сдвиги в экономике и социальном строе населения Верхнего Поволжья. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. намечается переход от охотничье-рыболовецкого хозяйства к скотоводству и земледелию, от материнско-родового строя к патриархально-семейным отношениям. Изменяется и топография поселений. Из низменностей на берегах озер и мелких рек они переносятся на террасы больших рек, на высокие незаливные места. Наряду с камнем и костью в употребление входит металл.

Автор связывает появление нового типа поселений—укрепленных поселков—с развитием нового экономического строя и патриархально-семейных отношений. Непосредственную причину он видит в накоплении богатств в виде запасов хлеба, скота и металлических предметов и в необходимости их защиты. Поэтому население укрепляло свои поселки и основывало их в трудно доступных местах (стр. 22).

Вряд ли можно согласиться с таким мнением. Во-первых, накопление материальных ценностей продолжалось и в последующие периоды. Однако уже в середине I тысячелетия н. э. основной формой поселения являлись открытые поселки. Во-вторых, трудно предположить, что население того времени жило только в укрепленных поселках. Древние городища отыскать сравнительно легко. Они труднее поддаются разрушению, чем селища. Преобладание первых над вторыми следует поэтому отнести скорее на счет состояния археологических обследований, чем на счет действительного соотношения тех и других. Кроме того, укрепленные поселки отличались небольшими размерами и их население едва ли превышало 200 обитателей обоого пола (стр. 30). В поселении в устье Сонохты число обитателей даже не превышало 40—50 чел. Если подсчитать численность населения, жившего во всех известных нам городищах Верхнего Поволжья, то получится мизерная цифра. Где же проживало остальное население?

Нам представляется, что причину появления укрепленных поселков, как и их исчезновения следует искать не в накоплении их жителями богатств и оберегании их от набегов врагов, а в каких-то социальных изменениях, происходивших в период патриархально-семейных отношений.

Древние городища в массе своей никогда еще не подвергались такому детальному анализу, как это дано в работе П. Н. Третьякова. Если прежние исследователи делили древние городища только на две стадии—раннюю и позднюю, то автору удалось раз-

бить эти памятники на несколько хронологических групп, проследить весь период времени существования некоторых из них и дать их топографию.

Особенно интересны его наблюдения над типами жилищ: полуземлянки в районе Костромы, наземные жилища на Верхней Волге (выше Мологи).

Со второй главы автор начинает историю племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии нашей эры. Глава посвящена первым его векам (I—IV вв.).

В этот период не было каких-либо значительных переломов в экономической и общественной жизни населения. Но все же некоторые изменения имели место. Повсеместно и прочно входит в обиход железо, выплавляемое из местных болотных руд, возрастает роль скотоводства и земледелия. Наряду с укрепленными поселками появляются открытые поселения.

Очень ценным в этой главе является подробное описание обследованных памятников и особенно датировка городищ. Основным датирующим материалом служит керамика. Автору очень хорошо удалось проследить характер керамики в отношении состава глины, обжига, размеров сосудов и орнаментации, которые менялись из столетия в столетие (стр. 43).

На примерах городища у с. Городища и городища Топорок автор устанавливает четыре хронологические группы керамики, датируя первую группу серединой I тысячелетия до н. э.; вторую группу—от III—II вв. до н. э. до порога нашей эры; третью группу—от начала нашей эры до III—IV вв. н. э. и четвертую группу—от III—IV вв. до V—VI вв. н. э.

Важно отметить замечание автора о том, что детальное хронологическое членение культурного слоя какого-либо одного памятника не может служить шкалой для всех других памятников Верхнего Поволжья, так как каждое поселение имело в керамике некоторые свои индивидуальные черты.

К сожалению, автор проходит мимо очень интересного вопроса—постепенного ухудшения качества посуды. Изучение этого явления могло бы дать интересные результаты.

Изучение поселений начала I тысячелетия н. э. приводит автора к выводу, что культура населения всего Верхнего Поволжья отличалась почти полным единообразием. Единой была ступень социального развития, общим являлся и характер экономики. Тот же культурный облик был присущ в эту эпоху населению Среднего Поволжья (бассейна р. Оки) и территории Валдайской возвышенности, т. е. всей области распространения «дьяковех» городищ с сетчатой керамикой. Иной характер имела культура населения верховьев Днепра и Западной Двины и населения Прикамья (стр. 44).

Вполне убедительно дан материал о развитии скотоводства в этот период. Таблица находок костей диких и домашних животных наглядно показывает постепенный упадок удельного веса охоты в экономике и возрастание удельного веса скотоводства. Не вызывает сомнения утверждение о большом значении земледелия в этот период. Характеристики его на предшествующей и последующей стадиях подтверждают этот вывод.

Интереснейшим разделом книги является третья его глава, посвященная поселению на р. Сонохте (Березниковское городище). Этот памятник стал знаменитым в археологии благодаря раскопкам П. Н. Третьякова. Городище раскопано полностью путем вскрытия всей его площади, что представляет собою единственный случай в археологической практике. Благодаря точности методики, примененной автором при раскопках, удалось не только хорошо проследить остатки укреплений и жилых сооружений поселка, но и выяснить многие детали экономики и быта его обитателей.

Жилых домов в поселке было шесть. Каждый из них делился на мужскую и женскую половину. В центре стоял большой дом, вероятно, общественного значения. Вблизи домов разместились: кузница, ткацкое или прядильное помещение, в котором производилась также выделка мелких бронзовых изделий, помещение для размола и хранения зерна.

Исключительный интерес представляет открытие на городище погребального сооружения—«домика мертвых». Здесь найдены остатки пяти-шести трупосожжений

и некоторые вещи. Открытие «домика мертвых» разрешает до некоторой степени вопрос об обряде погребения в первой половине I тысячелетия н. э., который не был ранее известен. При раскопках городища найден также инвентарь, характеризующий бытовую и экономическую стороны жизни его древних обитателей.

П. Н. Третьякову удалось с достаточной убедительностью датировать этот памятник. Поселение возникло в конце III или начале IV вв. н. э. и просуществовало до конца V — начала VI в. н. э., когда и погибло от пожара.

Значение открытий на поселении на р. Сонохте очень велико. Вскрытая раскопками керамика дает наглядное и многостороннее представление о жизни и быте населения того времени. Автор справедливо замечает, что жилища людей и поселения в целом являются такими элементами материальной жизни общества, которые на всех ступенях человеческой истории прекрасно отражали общественную жизнь, часто со всеми ее мелкими особенностями (стр. 61).

Кому же принадлежал поселок на р. Сонохте? Автор считает его обиталищем небольшой общины родичей, которая вела коллективное хозяйство и имела общие хозяйственные постройки и даже усыпальницу — «домик мертвых».

Вызывают сомнения некоторые моменты в характеристике поселения как замкнутой ячейки. На городище найдено очень мало костей домашних животных и совершенно не встречены остатки диких животных. Объяснять это, как делает автор, состоянием культурного слоя вряд ли будет правильным. Можно предполагать, что животные находились не на самом городище, а где-то вне его территории. Это предположение закономерно и потому, что выплавка руды, как отмечает и сам автор, производилась не в поселке, а где-то на стороне. Следовательно, поселок на Сонохте не представлял собою территориально замкнутую единицу. Его территория выходила за пределы его оборонительных валов.

Середина и вторая половина II тысячелетия н. э. оставались до последнего времени почти совершенно не изученными археологически. Глава четвертая книги П. Н. Третьякова значительно заполняет этот пробел.

Основной формой поселения этого времени являются открытые поселки. Трудно находимые, они не привлекали к себе внимания исследователей, не раскапывались. Весьма ценным поэтому является подробное описание селищ, открытых и обследованных автором. Исключительный интерес представляют селища в устье р. Попадьинки, возникшие, по мнению автора, в III—IV вв. н. э.

Анализируя материал селищ, автор подчеркивает бесспорное преобладание скотоводства над охотой, появление производства, переросшего рамки общины и рассчитанного на обмен (стр. 72), переход от подсечного земледелия к земледелию пашенному и вместе с тем увеличение размеров поселений этого времени.

Совершенно логично автор подводит читателя к выводу, что «смена подсечного земледелия земледелием пашенным знаменует собой переход от первобытных коллективных форм обработки земли к индивидуальным формам земледелия» (стр. 85).

Глава пятая книги посвящена характеристике памятников (поселений и могильников) древнейшего населения в бассейне озер Неро и Плещеево, которое образовало впоследствии племена, близкие мордовско-муромским племенам Среднего Поволжья. Их культура отлична от культуры племен верхнего течения Волги. Начиная со середины I тысячелетия н. э. в Верхнем Поволжье складываются два этнических массива.

Обитатели верхнего течения Волги во второй половине I тысячелетия н. э. принадлежали к группе северных восточнославянских племен.

Вторая часть книги (приложение) представляет собою ряд прекрасно обработанных отчетов. Строго научная документация делает их первоклассным источником.

Книга хорошо иллюстрирована. Публикация в ней вещевых материалов повышает ее научную ценность.